

Начинается список «Беседы» в рукописи ГАКО № 1752 следующим заглавием, писанным киноварью: «В лето 7180 месяца ноемвриа во 12 день. Беседа преосвященнаго Паисиа Лигаридиа, митрополита газскаго, иеромонаха Епифаниа, иеромонаха Симеона Полоцкаго с Николаем Спатарием».

Встреча и беседа происходили во время трапезы в каком-то доме, куда пришел Спатарий.

Беседа велась на латинском языке. Во время беседы Полоцкий потребовал от Спатария, чтобы последний дал ему ответ на один вопрос «славянским языком, да и прочии знают». На это Спатарий ответил: «Не знаю аз славенски беседовати, глаголи со мною латински» (л. 236). Патриарх Досифей в одном письме в Москву указывал, что Спатарий знает славянский язык, добавляя, что «и русский может скоро выучить», но, очевидно, Спатарий и славянский язык знал недостаточно хорошо, а русского разговорного языка не знал вовсе. Сам Спатарий в письме к А. С. Матвееву из Сибири в 1675 г. сообщал, что пишет по-русски для того, «что хочу учиться языку и письму».⁶

Употребляется в беседе и греческий язык. На нем обменивались замечаниями Спатарий и Паисий Лигарид.

Добавление «да и прочии знают» в приведенном выше требовании Полоцкого указывает, как можно думать, что во время беседы присутствовали, кроме самих беседовавших, и другие лица, может быть, кто-либо из ученых старцев Чудова монастыря и учеников Полоцкого (например, Сильвестр Медведев). Кто-нибудь из них переводил разговор беседующих на славянский язык с помощью Полоцкого и Епифанья и вел запись. А возможно, это делал и сам Полоцкий, судя по одному замечанию в тексте «Беседы» о переводе им на «славянский» язык сделанного Паисием «латински» толкования церковного песнопения (антифона, л. 233 об.).

Основное содержание беседы — рассуждения участников по разным схоластическим богословским вопросам. Но начался разговор не с богословского вопроса, а с замечания Спатария, озябшего от ноябрьского холода и затем согревшегося: «Движение творит теплоту», и подтвердил он это тем, что при «движении» дерево и железо «не точию согреваются, но и огонь изводят». Полоцкий тут же возразил, что не самим «движением», но «сопритрением единого ко другому», что железо и дерево «имут огонь в себе», объяснив это учением о четырех стихиях. Далее Спатарий не мог дать ясный ответ и на вопрос — «как огонь в железе содержится». Заключил разговор об этом Епифаний, объяснив, что огонь в железе содержится «множеством или силою», почему при трении или ударе из железа и может «известися» огонь.

Заслуживает внимания не столько самая суть этого разговора, а то, что уже в начале встречи между участниками ее завязалась полемика. В дальнейшем, при обсуждении богословских вопросов, полемический характер беседы проявился еще отчетливее, беседа превратилась в некое состязание участников, «нечаянное состязание», как определил ее Паисий Лигарид.

Определенной темы, какого-либо плана беседа не имела. Вопросы, затрагивавшиеся в беседе, касались основных догматов христианской религии: троичности божества, двойственной природы Христа, об ангелах и др. И здесь интерес представляют не самые вопросы, а положение

⁶ И. Н. Михайловский. Очерк жизни и службы Николая Спатария в России, стр. 7.